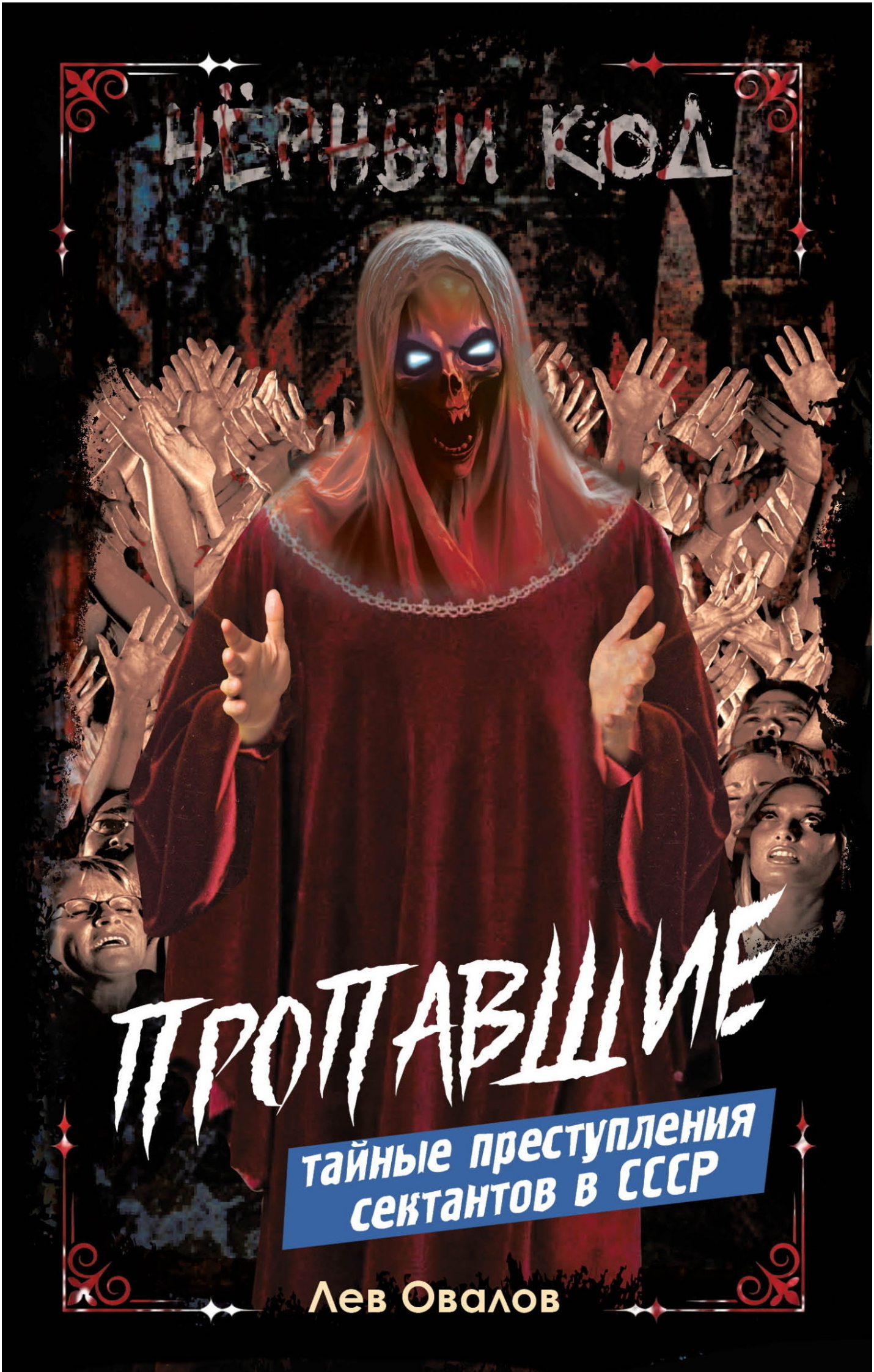
Чёрный код

Пропавшие

тайные преступления сектантов в СССР

Лев Овалов

Черный код

Лев Овалов

Пропавшие. Тайные преступления сектантов в СССР

«Алисторус»
1997

УДК 2-79
ББК 86.39

Овалов Л. С.

Пропавшие. Тайные преступления сектантов в СССР /
Л. С. Овалов — «Алисторус», 1997 — (Черный код)

ISBN 978-5-00222-308-4

Эту книгу классик советской приключенческой литературы писатель Лев Сергеевич Овалов (1905–1997) считал своим лучшим произведением. Он создавал ее на документальном материале, глубоко изучив жестокий подпольный мир советских сектантов, их преступления, от описания которых леденеет кровь в жилах. Дело в том, что Овалову удалось вытащить из лап сектантов одну девушку, помог ей вернуться в мир. Герои его книг – современные советские люди. Но каждый из них может стать жертвой тоталитарной секты. Изуверы давно отработали методы втягивания людей в свой омут. Они хитры и коварны. Овалов показывает преступную сеть, которую создали сектанты, заманивая в свои ряды тех, кто пал духом, кто дрогнул. Книга актуальная и в наше время, когда снова активны «ловцы душ человеческих», способные на любые преступления. Для широкого круга читателей.

УДК 2-79
ББК 86.39

ISBN 978-5-00222-308-4

© Овалов Л. С., 1997
© Алисторус, 1997

Содержание

Появление Юры 7
Встреча в Третьяковке 9
Ссора 12
Поиски 15
Детективы 19
Хитрый домик 23
Наружное наблюдение 28
Взгляд с крыши 32
Обыск 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Лев Овалов
Пропавшие. Тайные преступления сектантов в СССР

Эту книгу я написал о той опасности, которую многие недооценивают. Но она есть. Эти люди живут рядом с нами. И по-прежнему затягивают людей в свои сети. Особенно молодых. Быть может, эта повесть поможет им?..
Лев Овалов

Черный код

© Овалов Л.С., 2024
© ООО «Издательство Родина», 2024

Лев Сергеевич Овалов

Появление Юры

История эта похожа на приключенческую повесть, хотя ничто в ней не выдумано и она полна подлинного жизненного драматизма.

«Помогите найти Таню». Вот с чем пришел ко мне Юра, сын моего приятеля Сергея Петровича Зарубина. Мы с Сергеем Петровичем вместе учились. Потом наши пути разошлись. Зарубин стал крупным инженером, а из меня инженера не получилось. Но дружеские отношения сохранились. Зарубин женился. По любви. Анна Григорьевна, его жена, к технике не имеет касательства, она искусствовед. Поэтому атмосфера их дома насыщена искусством. Старший их сын, Евгений, инженер, пошел по стопам отца. Юра заканчивает среднюю школу.

Мальчик как мальчик. Развитой, начитанный, любимец в семье. Изредка заводит со мной разговоры на литературные темы.

И вот появляется у меня. Произносит две или три ничего не значащих фразы и объявляет:

– Помогите найти Таню.

Что за Таня – у меня ни малейшего представления.

– А… почему ее надо искать?

Выясняется, что Таня – одноклассница Юры. Исчезла несколько дней назад. Не пришла в школу. Сперва думали, заболела. Пошли навестить. Мать говорит, уехала на целину. Юра уверен, что это не так: Таня никогда не говорила о целине.

– А почему это так вас заботит?

– Таня – мой товарищ.

– И только?

Лицо его розовеет. Кажется, этого вопроса лучше не касаться. Но он выдерживает мой взгляд.

– А чем могу быть полезен я?

– Именно вы!

Вот она – цена писательской популярности! Юра читал мои детективные повести и наивно воображает, что тот, кто пишет о разведке, сам должен быть хорошим разведчиком.

Но отказать в помощи тоже нельзя.

– Куда же все-таки она могла деться?

– Все дело в матери.

– Думаете, это мать ее услала?

– Никуда она ее не усылала, но косвенная виновница – она!

О чем-то Юра умалчивает, а я не расспрашиваю. Возможно, поэтому я и узнал историю отношений Тани и Юры.

Через несколько дней меня вызвала по телефону Анна Григорьевна:

– Зайдите к нам.

В сборе вся семья. Сергей Петрович то и дело снимает очки, выглядит каким-то взъерошенным. Анна Григорьевна более сдержанна, однако и ей не по себе. Спокойнее других Евгений, хотя и у него на лице саркастически-недовольное выражение.

Юра у окна. Всматривается во что-то такое, что видно ему одному.

– Вы только подумайте! – вибрирует контральто Анны Григорьевны. – Юра не хочет держать выпускные экзамены. Собирается куда-то ехать!

– Мальчишеская блажь, – вмешивается Сергей Петрович. – Какой-то модный нигилизм…

Втроем уговариваем Юру закончить школу. Евгений молчит, но, судя по его улыбочкам, держится доброжелательного нейтралитета в пользу родителей.

Внимательно рассматриваю Юру. Черты лица у него, пожалуй, порезче, погрубей, чем у брата. Волосы темные, только что не черные. Густые брови. Карие глаза. Быстрые и влажные, как у жеребенка. Крупный прямой нос. Бледные, чуть розовые губы. Смуглые щеки. Резко очерченный подбородок. Не то чтобы очень красив, но такие парни нравятся девушкам.

– Просто неразумно бросить школу перед экзаменами, – говорю я. – Пустить насмарку десять лет…

– Неблагоразумно, – иронически соглашается Юра.

– Да, неблагоразумно, – подтверждаю я. – Насколько все усложнится для вас в будущем!

– Ему открыта прямая дорога в университет, – стонет Анна Григорьевна. – У него блестящие способности…

– Разум и благоразумие не одинаковые понятия, – назидательно поясняет Юра. – Благоразумие божок обывателей…

Однако он постепенно позволяет себя убедить.

Анна Григорьевна облегченно вздыхает.

– Преподаватель химии прочит Юре блестящую будущность, – делится она со мною своей мечтой. – С его работой об инсектицидах знакомились на химфаке…

Сергей Петрович заключает разговор:

– Ты даешь слово?

– Ладно, – мрачно соглашается Юра. – Подчиняюсь благоразумию.

Через месяц Юра внезапно опять появляется у меня.

Июньский вечер, тепло. Но Юра в костюме. Ему хочется выглядеть старше своих лет.

– Как дела?

– Порядок.

Лезет во внутренний карман, протягивает аттестат.

– Ого! Одни пятерки…

Желтый закат льется в раскрытое окно. За стеклами шкапов светятся корешки книг. На подоконнике в глиняной обливной вазе букет сирени. Лиловые гроздья кажутся розовыми. Юра подходит к цветам, прячет в них лицо. Как ни серьезничает, а все-таки еще очень молод!

– Рассказать вам о Тане?

Встреча в Третьяковке

Рассказывает Юра сумбурно, то излишне подробно, то скороговоркой, а чего не договаривает, я мысленно договариваю за него.

Таню он знает шесть лет. С того самого года, когда Зарубины получили новую квартиру и Юра попал в новую школу. Была самой заурядной девчонкой.

Как-то организовывали лыжную вылазку. Пригласили Таню. Не пошла.

– Мама не позволяет надолго отлучаться из дому.

– А что ты делаешь дома?

– Шью, читаю.

Юра дал ей «Жизнь взаймы». Роман Ремарка. Она вернула книгу через два дня.

– Ты это с какой целью дал мне такую книжку?..

«Дура!»

Так Юра, конечно, не сказал, но подумал.

В прошлом году осенью Светлана Павловна, преподавательница литературы, задала домашнее сочинение: «Русская природа в произведениях Левитана». Нашлись, конечно, такие, что ограничились репродукциями. Но большинство решило пойти в Третьяковку… Клава Полухина, секретарь комсомольской организации, предложила организовать экскурсию Массовое мероприятие! Но Светлана Павловна воспротивилась:

– Не для галочки посылают вас в Третьяковку, пусть каждый побудет с Левитаном наедине.

Пошел и Юра. Побыл наедине с Левитаном. И заодно навестил Нестерова.

– Очень я люблю этого художника. Стою перед «Видением отроку Варфоломею»… До чего все необыкновенно! Сухая осень. Опаленная ветерком травка. Обломанная елочка. За леском церковка. Два голубых куполка. Внизу серые сараюшки. Гряды зеленой капусты… Как надо любить Россию, чтобы так ее написать! И стоит посреди этой России отрок. Смотрю и не могу

наглядеться. Гладкие льняные волосы, огромные синие удивленные глаза, прямой, чуть вздернутый нос, чуть припухлые скорбные губы, тонкая шейка… Да за такую девушку, с таким лицом, умереть можно!

Встал Юра перед картиной, задумался, ушел в себя. Оборачивается и… сперва не может даже понять. Рядом – Варфоломей.

Так заново он открыл для себя Таню. Это была Таня Сухарева, на которую Юра никогда не обращал внимания.

– Таня, ты?

– Я.

– А ты видишь, кто перед тобой?

– Мальчик…

Они вышли из Третьяковки рука об руку. Дошли до набережной.

– Пошли в кино?

– Нет, нет…

Юра не помнит, о чем они в тот раз говорили, но, когда они уже прощались, Таня вдруг широко раскрыла глаза, посмотрела так, точно увидела Юру впервые, и сказала.

– Знаешь, Юра, ты… удивительный!

Они стали встречаться каждый день. Таня стеснялась подруг. Юра пораньше выходил из школы и ждал где-нибудь за углом. Скучно им не было. Они гуляли, радовались первому снегу, ходили по музеям…

Однажды Юра уговорил Таню пойти в театр. Она редко бывала в театре и очень волновалась. Он повел ее на «Марию Стюарт». Юра не поклонник Шиллера, но он решил образовывать Таню. А перед этим дал прочесть Цвейга.

Когда Мария Стюарт шла на казнь, Таня судорожно вцепилась ему в руку.

– А где… собака?

Цвейг рассказывает, как любимая собачка Марии Стюарт выскочила после казни из складок ее платья. Цвейг и Шиллер слились у нее в одно.

Потом ехали в метро. Потом шли пешком. Потом… Потом остановились в воротах ее дома, и Юра ее поцеловал.

Как-то Юра уговорил Таню пойти в кафе. Выбрали подальше от своего района, чтобы не попасться никому на глаза… Таня была в кафе впервые.

Юра заказал ужин. Сухое вино Тане не понравилось. Тогда Юра заказал ликер, и ликер она выпила. Уговорились вернуться пораньше, но решили потанцевать и не заметили, как прошло время. Вышли из кафе около одиннадцати.

– Ой, что мне будет!..

К счастью, на углу стояли такси. Через двадцать минут Таня была дома.

В школу она пришла с распухшим лицом. На щеке синяк, один глаз заплыл.

– Шла в темноте по коридору, сосед внезапно открыл дверь, – объяснила она.

А после уроков призналась Юре, что ее побила мать.

Мать, оказывается, не спала. Сидела в темной комнате у окна и ждала дочь. Она видела, как подъехала машина, как Таня выскочила из такси, как послала воздушный поцелуй…

И как только дочь вошла в комнату, началась расправа.

– И ты молчала?

– А что мне оставалось…

– А отец?

– У меня нет отца…

Оказалось, Таня не знает своего отца. Он обманул ее мать и исчез еще до рождения Тани.

Мать Тани считает, что все мужчины – негодяи.

– Легче видеть тебя мертвой, – говорит она Тане, – чем обманутой каким-нибудь лоботрясом.

Мать Тани выросла в деревне.

После войны на помощь колхозу посылали студентов. Один из них и обманул Танину мать. Она была еще совсем юной девушкой. Пообещал жениться, увезти с собой, а сам исчез, едва узнал о ее беременности.

Мать уехала от пересудов в Москву. Приютила ее какая-то сердобольная бабушка Дуся, помогла даже устроиться на фабрику. Таня родилась уже в

городе. Жизнь, конечно, у матери была не сахарная: работа, ребенок, да еще божья старушка, за которой тоже приходилось ухаживать, как за ребенком.

Бабушка Дуся умерла, когда Тане исполнилось восемь лет. Достались им в наследство комната и незатейливое бабкино имущество: кровать, комод и киот.

После своего признания Таня настороженно посмотрела на Юру:

– Одну тайну ты узнал…

– А разве есть еще тайна?

– Есть. Я скажу. Только позже.

Юра не допытывался: рано или поздно Таня все равно с ним поделится.

По правде сказать, он не придал ее исповеди большого значения: какое, в общем, ему дело, есть у нее отец или нет!

Потом заметил, что Таня ждет и от него рассказа о своей семье.

Он просто предложил:

– Познакомить тебя с моими предками?

– Ой, что ты!

Все же Юра зазвал ее к себе. Она согласилась зайти, когда он поклялся, что дома у него никого нет.

Показал квартиру. Мамины альбомы. Таня все удивлялась, что у Юры отдельная комната.

– Поженимся, тоже будешь здесь…

Юра прервал рассказ. Точно спохватился. Я так и не понял, как далеко зашли его отношения с Таней, виноват он в чем перед ней или нет.

Парень он хороший, но избалован.

Однако заподозрить Юру в непорядочности невозможно, в нем рано проявилось чувство ответственности, он был хозяином своего слова.

Ссора

Юра помолчал и перешел к событиям, которые и привели его ко мне.

Как ни боялась Таня матери, она согласилась встречать Новый год вместе с Юрой. На школьный бал Таню мать не могла не пустить. А оттуда легко сбежать к Зарубиным.

Юра принялся выяснять, где встречают Новый год родители. Обычно они куда-нибудь уезжали. Закинул удочку: как посмотрят, если у него соберется небольшая компания? Возражений не встретилось. Все было на мази. И вдруг Таня объявляет, что никуда не пойдет: не пускает мать.

– Вина у нас не бывает, но я куплю лимонада и мысленно чокнусь с тобой в двенадцать часов…

А тут сюрприз от родителей: они перерешили, надо кого-то пригласить, удобнее дома…

– Ты зови своих приятелей, мы тебя не стесним.

Но какое уж тут веселье под контролем папы и мамы!

Все отменяется. Но Юра не огорчился. Таня Новый год не встречает, и он не будет. Так он ей и сказал.

Зато Витька Куценко устроил Юре сцену.

– Приходите, но будут папа и мама…

Через день Витька заявляет:

– Встречаем у меня на даче. Я уже объявил родителям, что организуем лыжную вылазку…

Отец Витьки – генерал, у них шикарная дача, но зимой они там не живут. Надо поехать, заранее натопить, все подготовить…

Юра отказался:

– Нет настроения…

На него набросились:

– Сам затеял, а теперь в кусты…

Вечером под Новый год, Витька предусмотрительно заехал за Юрой:

– Собирайся.

Не отступишь!

На даче целое общество. Несколько одноклассников Юры и еще какие-топарни из дома, где живет Витька. Из девочек только Нелька и Светка из их класса.

– Представляю, что будет, если я приду домой пьяным. Меня принялись бы воспитывать с утра до вечера. Отец читал бы лекции, ссылался на моральный кодекс, грозил вмешательством комсомола. Мать приводила бы дурные примеры из жизни художников… А Витька не раз приходил домой пьяным и хоть бы что. Не знаю, как Витькин отец командовал на фронте, но перед Витькой он все время в обороне.

Сели. Шум. Радиола. Витька во главе стола.

– Прошу не церемониться… Юра, тебе чего: водки или коньяку?

– Я не буду пить.

– Нелька, расшевели его!

В школе ее всем ставят в пример, а тут – губы намазаны, ресницы накрашены, нога на ногу, коленка блестит, как бронзовый пятачок…

– Юра, водки или коньяку?

И – чмок!

– Прекрати.

– Что ты нашел в этой несчастной Таньке?

– Прекрати.

– Медуза какая-то.

– Прекрати, тебе говорят!

Насели на меня, выпил я рюмку.

– Потанцуем!..

Пригасили свет.

– Юрочка… – Это Нелька. – Пойдем?

Я пошел. Танцую я прилично. Мама считает, что современный мужчина должен уметь танцевать, и я танцую иногда с мамой, когда бываю с ней на каких-нибудь вечерах. Но тут…

– Ты что это делаешь? – говорю Нельке. – Убери ногу…

– Дурачок…

Я взял ее за руку, подвел к дивану.

– Сиди!

– Юрочка, ты чересчур целомудрен…

Юре стало противно. Не должен он был встречать Новый год, если Таня не может. Встал. Кто танцует, кто закусывает. Радиола гремит. Вышел в холл. Так Витька называет прихожую. Оделся. Витька вслед: «Ты куда?» – «В уборную». И – ушел. На станцию. Мимо запорошенных снегом дач. Кое-где горит свет. Доносится музыка. А Юра рад, что ушел…

Все долгие дни каникул Юра не видел Таню. А когда в первый день занятий подошел к ней – убежала. Дождался у выхода.

– Таня!

– Нам не о чем говорить.

И так изо дня в день. Избегает. Решительно избегает. В конце концов у Юры тоже самолюбие…

Учится Таня все хуже. Не по себе ей. Восковая стала какая-то.

Светлана Павловна тоже пробовала с ней говорить.

– Нет, ничего, Светлана Павловна. Ничего со мной не творится. Хорошо, я мобилизуюсь.

Юра ее еще раз подстерег:

– Таня!..

– Нам не о чем говорить…

Какая-то обреченность слышалась в ее голосе…

Видел, как она переживает, но чего-то я недопонял…

День от дня она все заметнее сторонилась людей. И вдруг исчезла. Случилось это в апреле. Не пришла в школу. День, другой, третий… Решили, что заболела. Прошла неделя. Тани нет.

Юра к Полухиной:

– Клава, надо узнать…

– Больна.

– Сходи или пошли девочек.

Сходила.

– Ты знаешь, уехала на целину.

– Перед самыми экзаменами?

– И я не понимаю.

– Адрес спросила?

– Мать говорит, не знает.

В классе только и разговоров о Тане. Уехала перед самыми экзаменами!

А тут подходит к Юре Майка, подруга Нельки:

– Мне надо тебе что-то сказать…

Вышли из школы. Майка улыбается:

– Это из-за тебя.

– Что?

– Танька уехала.

– Почему из-за меня?

– После встречи Нового года Нелька нарочно зашла к Таньке. «Не поехала встречать Новый год? Вот и потеряла Юрку! Он мне там в любви объяснился…» В общем, раскрыла Тане глаза.

На следующий день Юра говорит Нельке:

– Ты что наделала?

– Выдала желаемое за действительное!

Поиски

Юра не помнил номера дома, не знал номера квартиры, но самый дом знал хорошо. Старый двухэтажный дом. Первый этаж. Соседи Сухаревых по квартире – какая-то санитарка да инженер с женой, которые приходят только ночевать.

Пошел под вечер. Позвонил. Дверь открыла простоволосая тетка с желтым одутловатым лицом. Юра сразу подумал: вряд ли у них найдутся точки соприкосновения.

– Мне… маму Тани Сухаревой.

– Стучите налево.

Оказывается, соседка.

Налево так налево. Постучал.

– Заходите.

Вот где обитала Таня! Скромно обставленная комната. За шитьем у окна женщина. Вот какая у нее мать! Нестарая. Даже красивая. Две косы вокруг головы. Темно-русые, без малейшей седины. Большелобая. Холодные голубые глаза. На щеках легкий румянец. Бледные губы… Не похожа на Таню. И чем-то похожа… Белая блузка, темная юбка, тупоносые туфли на низком каблуке… Ничего не осталось от деревенской девушки, какой она когда-то появилась в Москве.

Вопросительный неласковый взгляд.

– Здравствуйте. Я… товарищ Тани. Мы учимся в одном классе. Мы хотим знать… В смысле – ее товарищи. Она так неожиданно уехала. Мы хотим узнать ее адрес.

А Танина мать молчит. Откладывает шитье в сторону. Встает. Сцепила спереди руки. Мало сказать, что взгляд ее недружелюбен. Она не произнесла еще ни слова, но Юра понимает, что она знает кто он, знает все.

– Это вы тогда привезли Таню на такси? Напоили пьяной и привезли?

– Я не напаивал…

– Так вот, молодой человек, Таня уехала, и незачем вам больше сюда ходить.

Все-таки Юра пытается что-то сказать:

– Тане необходимо… закончить… школу. Понимаете? Комсомольская организация поручила мне…

А мать свое:

– Хватит! Каждый день…

– Что каждый день?

– Начала пропадать. И утром. И вечером…

– Да не бывала она у меня!

– Врете! Лопнуло мое терпение. Я так ей и сказала: пойду в школу и все расскажу!

– Что?

– Про ваши отношения!

– И после этого… Таня уехала? Значит, это ваша вина?

И тут же понял, что ответа он не дождется. Вот-вот она заплачет, закричит, и Юра услышит такое, после чего никогда уже не сможет заговорить с этой женщиной…

Он не помнит, как очутился за дверью.

Тетка с желтым лицом дежурила в коридоре. Она участливо посмотрела на Юру.

– Прогнала?

Тот кивнул.

– Не обижайся, – утешила она его. – Марья Ивановна не в себе…

Зашаркала к двери напротив, потянула юношу за рукав.

– Тебя как зовут?

– Юрий…

– Зайди, милок…

В комнате теснее тесного, мебели немного – кровать, стол да рыночный буфет, но вся комната загромождена разным хламом, всякими ящиками, картонками, футлярами из-под загадочных допотопных вещей.

– Заходи, заходи, голубь. Юрой, говоришь, звать… Так, так. А меня Прасковьей Семеновной. Садись.

На стуле тоже какие-то коробки из-под конфет. Юра присел на краешек.

– Серчает? – спросила Прасковья Семеновна, подразумевая Марию Ивановну. – Точила, точила дочь, вот и дождалась. Танюшка матери пуще огня боялась. Слова ни с кем не скажи. Она и не говорила с матерью. Со мной, с соседкой, говорила больше…

– А не говорила, куда собирается? – с замиранием сердца спросил Юра.

– Как не говорила! – невозмутимо ответила его собеседница. – Всеми переживаньями делилась, даже письмо оставила.

– А мне нельзя посмотреть?

– Да оно тебе и написано…

– Мне? Вы же не знаете меня…

– Танюшка разъяснила. Говорит, обязательно придет. Юрой зовут. Начнет допытываться, ты и отдай…

– Так давайте…

– Сейчас, сейчас, голубь…

Из-под старинной ореховой шкатулки вытянула письмо.

Юра нетерпеливо надорвал конверт.

«Юра, я думаю, ты будешь меня искать. Только все бесполезно. Ни ты, ни мама не хотите меня понять. Я решила уехать. Не ищи меня, это тайна. Мы больше не встретимся, но ты помни обо мне. Мне будет легче при мысли, что ты хранишь меня в своей памяти. Прощай…»

И неровное, недописанное Т…

У Юры защемило сердце.

Старуха участливо смотрела на гостя.

– Оставила адресок?

Юра отрицательно покачал головой.

– Сильно, видать, обидел. Разуверилась в тебе…

– Да не обижал я…

Слабая улыбка тронула старушечьи губы.

– Ты от меня не таись, я Танюшке заместо второй матери…

Сама Прасковья Семеновна не собиралась таиться перед Юрой.

– Как же это ты, соколик, променял Танюшку на какую-то вертихвостку? – попрекнула старуха юношу. – Мне все известно: и как под Новый год гулять собирались, и как расстроилось все, и как подался ты с какой-то генеральской дочкой на всю ночь на дачу… У девки сразу руки опустились. Я ей говорю: никто, кроме бога, не поможет, помолись, он к тебе и вернется. Повела ее к отцу Николаю, это духовник мой. Пошла. Только не нашел он ключа к ее сердцу…

Юра отлично понимал: то, что имело значение для Прасковьи Семеновны, не имело значения для Тани – комсомолке искать утешение у бога!

– В сильном была расстройстве, – продолжала старуха. – Поехала я на пасху на могилку к мужу. И Танюшка со мной. От скуки, от печали поехала.

Познакомилась там с одной женщиной. Не знаю уж, чем та ее приманила, только зачастила к ней Таня. Она и сманила…

Юра – весь внимание:

– Что за женщина?

– Да на кладбище, на кладбище, говорю, познакомились. Зинаидой Васильевной звать, других-то подробностей я не знаю…

– А почему, думаете, она сманила?

– А как же! Перед самым отъездом Танюшка с Зинаидой Васильевной домой зашла. И вышли вместе. Забежала ко мне попрощаться, отдает письмо, говорит:

«Обязательно придет, Юрой звать, будет мной интересоваться». – «Куда ж ты?» – «В Бескудниково, говорит, пока в Бескудниково». Врать она никогда не умела…

Сама Таня ни разу не упоминала перед Юрой ни о какой Зинаиде Васильевне. Вновь и вновь расспрашивал Юра старуху, но та выложила все, что знала. Ясно одно: Таню куда-то заманили, прельстили чем-то… «Не ищи меня, мы больше не встретимся!»

Юра обещал окончить школу не потому, что решил отложить поиски Тани, а потому, что ему пришла мысль обнаружить ее местонахождение более верным способом. Не обязательно самому ехать по совхозам Целинного края. Пришлось бы года два странствовать!

Он поговорил с Клавой Полухиной, и они вместе пошли к директору школы.

– Алевтина Евгеньевна! – торжественно заявила Клава. – Нас тревожит судьба Тани Сухаревой. Тем более что она даже не снялась с учета. Мать говорит, уехала на целину, но адреса, говорит, не оставила. Мы хотим узнать, где она.

– И как же вы хотите поступить?

Тут выступил Юра:

– Достанем адреса всех целинных совхозов и разошлем запрос, не прибыла ли к ним комсомолка Таня Сухарева.

– А кто будет писать?

– Я!

– Ну, не только ты, – вмешалась Клава, – девочки тоже помогут.

Алевтина Евгеньевна согласилась. Она даже предложила, чтобы запросы рассылались от имени школы.

Чтобы все было совсем официально.

Адреса совхозов достали без труда, и не прошло недели, как письма полетели во все концы Целинного края.

Ответы пришли ко дню окончания школы. Как Юра и предполагал, ни в одном из совхозов Таня не появлялась.

Юра снова пошел к Таниной маме. Опять дверь открыла соседка, опять услышал настороженное «войдите»… На этот раз Мария Ивановна стояла у комода, не то перебирала белье, не то что-то рассматривала. Узнала Юру сразу, побледнела.

– Что еще?

Но Юре важно найти хоть какой-то след…

– Ведь это вы… по вашей вине пропала Таня. Хотели выставить на всеобщее посмешище, испугались…

– Никуда она не пропала! – зло, резко говорит Мария Ивановна. – Вот что, молодой человек. Или вы слишком перед ней виноваты, или, извините, просто дурак. Уехала! Понятно? Если из-за вас, значит, вы ее так обидели, что видеть вас не может, а если не из-за вас, значит, вы ей неинтересны. Если бы даже знала, все равно не дала бы адрес…

Спорить? У его собеседницы дрожат губы. Взвинчивает себя вроде его мамы…

– Школа запрашивала. Нет ее на целине!

– Как? Я заявляла в милицию. Мне определенно сказали: скорее всего, на целине. Сейчас много девчат едет на новостройки, на целину. Так и сказали: взрослая уже, самостоятельная.

Будь подросток, сразу бы нашли. Не преступница. Не тунеядка. Обещали поискать. Но если искать всех, кто едет на целину…

– Марья Ивановна, давайте поговорим. Накричать на меня вы успеете. Если бы речь шла о моих отношениях с Таней, я бы вас не тревожил. Ничего у нас с Таней не было, вы должны знать свою дочь. Если ее подозревать, значит, нет на свете хороших девушек. Беда в другом: слишком доверчива. К ней змея подползет, а она все в небо будет смотреть, не оторвет глаз от звезд…

Мария Ивановна прислушивается. К Юре. К своему внутреннему голосу. Обманщик не пришел бы сюда… И вдруг ее точно прорвало. Оттолкнула стул, достала из комода коробку из-под конфет, высыпала фотографии.

– Вот Танечка, когда в детский садик пошла, вот в школу, вот в пионерской форме… – Руки дрожат, губы дрожат… Одна Таня, только Таня, больше никого. Вся жизнь ее в Тане. – А вот…

Протягивает Юре клочок бумаги.

«Дорогая мама! Мне очень тяжело, ты мне не веришь, и мне не с кем посоветоваться. Я решила уехать на целину, так будет лучше. Не ищи меня и никому ничего не говори. Обо мне не беспокойся, я все обдумала, мне плохо не будет. Не сердись. Целую. Прости».

Таня пишет правду, и в то же время все в этой записке ложь.

– Мы учились вместе. Дружили. Только не думайте плохо. Потом Тане показалось, что я изменил дружбе. И вот… Она не на целине!

– Что же делать?

– Искать.

– В милиции сказали…

– Милиция милицией, но и я буду.

– А где?

– Вы должны помочь…

Увы, Мария Ивановна не знает ничего.

– В последнее время она все куда-то уходила. Думала – к вам… – Вся ее надежда теперь на этого парня. – Куда?

– Вот это и надо узнать!

Детективы

Приключенческие книжки Юра почитывал, но что придется воспользоваться детективной литературой как практическим руководством, это ему в голову никогда не приходило.

В бесчисленном сонме сыщиков пальму первенства Юра отдавал мистеру Холмсу. Из всех приключенческих книг только Конан Дойль у него и сохранился. На этот раз Холмс понадобился Юре по утилитарным соображениям. Этот английский детектив умел рассуждать, и его умозаключения неизбежно приводили к цели.

Но одному Юре, пожалуй, не справиться. Он мысленно перебрал своих товарищей. Какими качествами должен обладать человек, годящийся на роль доктора Ватсона? Прежде всего он должен быть настоящим другом. Не болтать языком, не оставить в беде, поделиться последним… Таким требованиям отвечал Петька! Петя Торцов. Не в пример Юре, он дальше учиться не собирался. Хотел пойти работать еще после восьмого класса. Не позволила мать: очень ей хотелось, чтобы Петя получил среднее образование. Но сам он решил притормозить. «Надо дать передохнуть маме…» Его отец вернулся после войны с тяжелой контузией, долго болел и вот уже лет десять как умер. Мать осталась с тремя сыновьями на руках. Петя – старший. Работала телеграфисткой, оклад не ахти какой. Петя неизменно твердил: «Оканчиваю школу и поступаю на завод, а дальше посмотрим…»

Юра поделился с Петей своими планами.

– Не всякая тайна стоит усилий, затраченных на ее разгадывание, – рассудительно заметил Петя.

– Но эту тайну я должен раскрыть, – возразил Юра. – Ты поможешь мне?

– Спрашиваешь!

Отвлеченные понятия вызывают иногда споры, но в бою друзья всегда плечом к плечу.

Юра считал, что для начала требовалось еще раз как можно обстоятельнее расспросить Прасковью Семеновну о неведомой Зинаиде Васильевне.

… – Заходи, заходи, сынок, – обрадовалась старуха.

Юра пристроился между шкатулок и приступил к допросу.

Зинаида Васильевна. Какая она? Как встретились? Как часто бывала у нее Таня?..

Увы, Прасковья Семеновна мало что могла сказать. Познакомились на кладбище. Прасковья Семеновна пришла на могилку к мужу, и та пришла. Тоже к мужу. Потом вместе ехали с кладбища. Ни фамилии, ни адреса кладбищенской знакомой Прасковья Семеновна не знала.

Таня бывала у нее. Не один раз. Сама говорила. Как-то ездила с Зинаидой Васильевной в Бескудниково…

– А что в Бескудникове?

– Не говорила.

– А как найти Зинаиду Васильевну?

– Не знаю.

Круг замыкался. Чтобы найти Таню, нужно найти Зинаиду Васильевну. А как? Ни адреса, ни фамилии. Никаких следов.

– Да ты не тревожься, – утешила Прасковья Семеновна. – Наберись терпенья. Девка молодая, не стерпит, вернется.

И вдруг Юру осенило:

– На кладбище, говорите, встретились? А когда туда опять?

– Теперь не скоро.

Юра уговорил Прасковью Семеновну поехать на кладбище:

– Больше двух, от силы трех часов не потеряете.

– Да это, милок, на весь день! Одних пересадок…

– Уж поверьте мне…

Юра приехал за ней на такси. Та даже растерялась:

– Отродясь в таких экипажах не ездила…

Пересекли Москву. По дороге заехали в цветочный магазин, купили цветов.

На кладбище народу, как на бульваре. Воскресенье!

– Вон он где, Архип Петрович мой, покоится.

Прасковья Семеновна посадила цветы, принялась пропалывать травку.

– А где могила мужа Зинаиды Васильевны?

– Да, господи, вот же!

– Не ошибаетесь?

– Я, соколик, тверезая.

– Эта?

– Кажись… Али вот эта.

– Какая же?

– Либо та, либо эта.

– А может, не та и не эта?

– Как можно! Она тут стояла.

– Так эта или та?

Юра заглянул через оградку. Деревянный крест, окрашенный голубой масляной краской. «Федор Лукич Щеточкин, родился 17 апреля 1906 г., скончался 3 декабря 1953 г., жития его было 47 лет. Спи спокойно, незабвенный супруг!» Но супруг ли он Зинаиде Васильевне? За другой оградкой крест поплоше. «Михаил Иванович Валков. Род. 17.X.1911, сконч. 6.V.1946».

Может, Валков?

На обратном пути Юра осведомился еще раз:

– Сколько лет вашей Зинаиде Васильевне?

– Лет сорок – сорок пять…

Проводив Прасковью Семеновну, Юра кинулся к ближайшему киоску Мосгорсправки! Адрес! Зинаиды Васильевны Щеточкиной и Зинаиды Васильевны Валковой!

Он не был уверен, что фамилия Зинаиды Васильевны Щеточкина или Валкова, но, если один из покойников приходился ей мужем, почему бы ей не носить его фамилию?

…Через час Юра получил адреса. Зинаида Васильевна Валкова вообще не проживала в Москве, зато обнаружились две Зинаиды Васильевны Щеточкины: одна 1924 года рождения, другая 1918-го.

Сперва Юра отправился к той, что помоложе. Позвонил.

– Зинаиду Васильевну…

Появилась дама в шелковом стеганом халате. Что-то не то! Юра вдохновенно соврал:

– Зинаида Васильевна Щеточкина? Мне сказали, у вас продается пианино…

Дама изогнула брови пиявками:

– Мне незачем его продавать!

Тогда Юра отправился в Замоскворечье, к той, что постарше.

Старый дом с мезонином. Со всех сторон лестницы, пристроечки. Никогда не подумаешь, что в таком невзрачном доме так много квартир. Каждая клетушка превращена в квартиру, из всякой комнаты отдельный ход.

Юра не знал, что соврет в этот раз, но врать не пришлось – к Щеточкиной он так и не достучался.

Решил дождаться ее. Гулял возле дома, ходил вверх и вниз по лестнице, скучал и… дождался.

К двери подошла женщина, зазвякала ключами. Шесть часов. Вероятно, вернулась с работы. Три замка открыла, один за другим. Оберегает себя!

Юра запомнил ничем не примечательное лицо. Бледные узкие губы, голубые глаза. Теперь, где бы ни встретил, сразу узнает.

Дня три приходил Юра к ее квартире, и всякий раз Щеточкина аккуратно около шести возвращалась домой.

На четвертый упросил Прасковью Семеновну пойти вместе. «Вы только постойте со мной, этим вы поможете Тане». Прасковья Семеновна после прогулки в такси не могла не уважить Юру.

Они стали на противоположном тротуаре.

– Посмотрите на другую сторону. Видите женщину? Она?

– Она, она, – закивала Прасковья Семеновна. – Пойти спросить?

– Чего спросить?

– Да про Танюшку.

– Ни в коем случае…

Так Юра нашел Зинаиду Васильевну Щеточкину.

Не один раз приходил Юра к дому, где жила Щеточкина. И один, и вместе с Петей. Видел, как она появлялась и исчезала. Никто к ней не приходил, жила она нелюдимо, продуктов приносила самую малость, одной мало… Юра уверился, что у Щеточкиной никто не живет.

Однообразно она жила. Петька без труда установил место ее работы. Проводил как-то утром до чулочной фабрики и встретил по окончании рабочего дня. В кино не бывала, по гостям не ходила, только на работу и с работы, почти все время дома, лишь изредка выбежит зачем-нибудь в магазин.

Предстояло узнать, куда и зачем ездила она с Таней в Бескудниково.

– Как бы ее туда спровадить? – с досадой говорил Петя. – Что придумать?

– Есть! – сказал ему Юра. – В следующее воскресенье поедет.

Он точно прохронометрировал рабочий день Щеточкиной. Выписывала она «Московскую правду». На двери ее квартиры висел ящик «Для писем и газет».

Газету приносили после ее ухода на работу, при втором обходе почтальон разносил письма. Щеточкина доставала свою корреспонденцию по возвращении с работы.

Юра опустил открытку утром в пятницу: адрес и всего одна фраза – «Вам необходимо срочно заехать в Бескудниково». Мальчики не были уверены, что фокус удастся, но другого придумать не смогли. Для полной достоверности Юра не поленился съездить и отправить открытку из Бескудникова.

В ящик «Для писем» открытка попала в субботу и вечером очутилась в руках Щеточкиной.

Не исключено было, что она поедет в Бескудниково немедленно. Мальчики прогуливались перед ее домом до одиннадцати. Но свет в окне погас, Щеточкина не показалась, и детективы разошлись по домам.

Утром они появились под окном своей Джульетты чуть свет, сама она вышла лишь в десятом часу и прямым ходом направилась… в Бескудниково!

Так мальчики узнали второй адрес.

Они почти не прятались, два парня, увлеченные оживленным разговором. В Бескудникове даже опередили Щеточкину, первыми свернули в Садовый переулок.

Домишки в переулке прячутся в палисадниках, во дворы ведут калитки, за воротами лают псы. Переулок кажется перенесенным в Москву из допотопной провинциальной России.

Щеточкина подошла к одной из калиток, подергала звонок, ответила кому-то за забором и скрылась за калиткой.

Вскоре вышла обратно, лицо ее выражало растерянность, что-то пробормотала и торопливо пошла обратно.

– Злая, – заметил Петя.

– Не ждали, – усмехнулся Юра. – Идет и гадает, откуда взялась открытка.
– Не догадается?
– Откуда ей!
Мальчики не пошли ее провожать.

Хитрый домик

С этого дня они перебазировались в Бескудниково.

Поблизости от дома находиться нельзя: свирепый боксер лаял до тех пор, пока не появлялся хозяин, пожилой мужчина в сером люстриновом пиджачке. Он выходил из-за калитки в переулок и пытливо смотрел по сторонам. Мальчики прибегли к камуфляжу, улеглись поодаль у чьего-то забора на травке, закинули руки за головы, устремили мечтательные взоры в голубое небо, и человек в пиджачке почти не обратил на них внимания.

На следующий день Юра и Петя слегка изменили маскировку: захватили колоду карт, пустую поллитровку, бутылку положили в траву, сами принялись перекидываться в карты.

Человек, выйдя из дома, заметил их, но не сказал ничего. На третий день он к ним подошел:

– Вы чего тут, ребята?

– Играем! – Петя кивнул на Юру. – Пол-литра уже есть.

– А с чего забрели в наш переулок?

– Тихо, – объяснил Юра. – Милиция не заглядывает.

– Хотите приманить? – Мы аккуратно!

– Сами-то откуда?

– Со стройки. Отдохнем, а к концу смены обратно.

– Нашли бы местечко получше!

– Нам и здесь неплохо.

– Знаете что, дам на пол-литра, только идите отсюда, не нарушайте тишину.

Они взяли на пол-литра, ушли, а на следующий день появились опять.

Человек в пиджачке подошел уже с претензией:

– Как же так? Взяли на пол-литра – и пришли?

– Так мы за вчера взяли, за сегодня уговора не было.

– Не каждый день давать!

– А почему не каждый?

Человек в пиджачке рассердился:

– Вот вызову милицию!

Юра вежливо приподнялся:

– Сходить?

– Тьфу!

Человек ушел.

В его домик нет-нет да и наведывались гости. Все больше мужчины. В добротных пальто, в синтетических модных плащах. Заскакивали в переулок, озирались, звонили, стремительно исчезали за калиткой. Иногда подъезжали на такси. Иногда выгружали какие-то свертки. Расплачивались, отпускали машину и лишь после этого дергали звонок.

Юра вел регистрацию посещениям. Очень уж настороженно вели себя этилюди. «Пятница. 11.38 – два человека; 14.30 – трое, на такси; 16.25 – один». Юра записывал время, количество посетителей, записывал даже номера такси.

Однако толку от этих наблюдений было мало.

Прийти к какому-нибудь определенному заключению мальчики не могли.

– Что-то здесь нечисто…

– Махнем сюда к вечеру? – предложил Юра.

– А что вечером?

– Может, что увидим. Для чего-то приходят люди…

У него возникло подозрение. Самое нехорошее, какое только могло возникнуть.

Но Петя вел себя как доподлинный друг, он не залезал в душу к Юре, не пытался его расспрашивать.

Все в Бескудникове выглядело ночью иначе, чем днем. Садовый переулок совсем погрузился в прошлый век, стал еще провинциальнее, еще нелюдимее. Каждый дом превратился в загадку. Два фонаря на весь переулок. Ночные тени ползут из-под любой подворотни…

Вот и особнячок, принимающий подозрительных гостей. Тишина возле него еще гуще, никакого движения. В окнах свет, только окна плотно зашторены.

Однако чуть подошли к палисаднику, лай взорвал тишину. Пес так и залился… Небо раскалывается!

Мальчишки ретировались.

– Что делать? – огорчился Петя. – Взбудоражит весь переулок!

– Думаешь, зря держат? – Юра достал деньги. – Быстро. В ближайший магазин. Два кило самой дешевой колбасы.

– Подкуп?

Петя проявил удивительную оперативность.

– Отсутствовал тридцать семь минут шестнадцать секунд. А вот и колбаса. Ливерная. Дешевле не было.

– Нарежь. Рывок к воротам и по куску через забор. Тихо – жди, залает – кусок. Покуда хватит.

Вернулись к дому. Петя к воротам. Юра в палисадник. Тишина. Два окна закрыты изнутри ставнями, три плотно завешены. За окнами что-то гудит.

Радио? Проигрыватель? Что-то монотонное. В одном из окон занавеска чуть разошлась. Кто-то стоит. Мужчина. Женщина. И еще женщина. Лиц не видно. Но… Что-то знакомое. Терракотовое платье. Юра фантазирует. Уверен, что фантазирует. Терракотовое платье есть у Тани. Тягучая какая-то музыка. Юра слышал запись джаза Армстронга. Очень похоже…

Вспомнились какие-то романы. Кино… Притон? Тайный притон! Только как могла попасть сюда Таня! Обманули? Завлекли? Заманили? Он не верил своим глазам, хотя увидел-то он всего лишь край платья. Сердце его разрывалось. Разбить окно? Вломиться в дом? Бессмысленное предприятие! Двое против… Это только у Дюма двое сражаются против двадцати!

Юра не боится. Петя тоже не отступит. Но если с Петей что случится…

Юра не знал, долго ли стоял под окном. Тишина взорвалась заполошным лаем…

Петя перегнулся в палисадник.

– Бежим!

Самое время! Отбежали в темень, подальше. Брякнула щеколда, открылась калитка, кто-то выглянул в переулок.

– Всю колбасу сожрал, – тихо пожаловался Петя. – И никакой благодарности!

– Понимаешь, там притон!

– Какой притон?

– Ты что, не бываешь в кино?» Парижские тайны» видел? Пьют, играют в карты…

– А при чем тут Таня?

– И женщины!

– Таня-то при чем?

– Заманили и не выпускают. Трудно, думаешь? В этом вопросе она дура дурой. А потом принуждают…

– А милиция?

– Милиция на то и существует, чтобы такое не допускать. Но преступники-то действуют тайно. Ты что в самом деле? Мы же проходили обществоведение.

– При чем тут обществоведение?

– А «родимые пятна»?..

Короче, «Ватсон» спрашивал, а «Холмс» разъяснял.

Следовало что-то предпринять. Самим им не попасть в хитрый домик. Порешили уловить момент и просигнализировать милиции. Может, все-таки удастся что-нибудь выяснить.

В следующее воскресенье мальчики залегли подальше, чтобы не бросаться в глаза. Юра захватил театральный бинокль. Позаботились и о декоративном оформлении позиции: поставили бутылку из-под водки, наполненную водой, разбросали по траве карты, развалились в непринужденных позах.

Хозяин хитрого домика привык как будто к их присутствию – очень уж открыто вели себя эти два парня, соглядатаи так себя не ведут.

Юра чувствовал себя настороже, говорил Пете:

– У меня предчувствие, сегодня что-то произойдет.

Вскоре появилась их старая знакомая Щеточкина. Подошла к домику, позвонила, пока ждала, извлекла из-под кофточки конверт, скрылась за калиткой. Вслед за ней подъехало такси с двумя пассажирами. Те принялись вытаскивать из багажника сверток за свертком. Юра насчитал семь свертков, Петя – восемь. Такси уехало, посетители исчезли в доме. Спустя полчаса

подъехала еще зеленая «Волга» с тремя седоками. Они тоже вошли в дом, оставив машину на улице.

– Пирушка, – сказал Юра. – Бегу! А ты – во все глаза…

Он рысью помчался в отделение милиции.

В кабинете старший лейтенант и майор милиции играли в шахматы.

– Дежурный?

– Ну я, – не спеша ответил лейтенант. – Что случилось?

Юра сказал, что в одной из московских школ вот уже несколько недель, как пропала девушка. Комсомольцы решили ее найти. В частности, поисками занимаются он, Юрий Зарубин, и его товарищ, Торцов. Они полагают, что девушку заманили в тайный притон, и притон этот находится не так уж далеко от милиции – Садовый переулок, дом номер четыре!

– С чего это вы взяли, что там притон?

– Да мы уже целую неделю следим!

– Смотри, какие сыщики! Откуда ж у вас такое мнение?

– Джаз, танцы и… Сами понимаете!

– Джаз и танцы не возбраняются.

– Поверьте, там это носит… иной характер. То и дело заходят какие-то люди, привозят свертки, увозят…

– Свертки? – Это уже спросил майор, он заметно оживился, услышав о свертках. – Ну-ну, расскажите-ка!

Юра предъявил свои записи.

Майор оказался начальником отделения. Он с интересом листал блокнот.

– Заметочки-то, оказывается, дельные, – сказал он лейтенанту. – Не прозевать бы! Давай организуй.

Лейтенант встрепенулся.

– Ну-ка, ну-ка, – обратился начальник опять к Юре. – Кто там сейчас?

Юра повторил.

– Вот что, – сказал начальник. – Спасибо за сообщение, мы сейчас отправимся, может, и дельное что. А вас попрошу обязательно заглянуть завтра.

Юру они с собой не приглашали.

– Если найдете там девушку…

– Какая там девушка! – усмехнулся майор. – Нас не девушки интересуют, а свертки…

Сперва не придали значения словам Юры и вдруг немедленно собрались, только Юра их и видел!

Он вышел за ними – милиционеров и след простыл: умчались на машине.

Юра зашагал обратно. Петя находился на прежнем месте. Встревоженный и подобранный. Карты и бутылка отсутствовали, он их куда-то убрал.

– Там милиция!

– Знаю.

– А что нам делать?

– Подождем. Посмотрим, чем кончится.

Но ждать не пришлось.

– Гляди, гляди!

Петя стремительно толкнул Юру.

Калитка закрыта, милиционеры ее предусмотрительно заперли, но в заборе, оказывается, есть еще калитка. Из темной щели вынырнули какие-то люди… Четверо! Двое мужчин и две женщины. Они шли, явно стремясь скорей выбраться из переулка.

– Глядя!

– Постой, постой… но ведь это же… Таня! Конечно, Таня! Петро, будь здесь, скажешь милиции. А я побегу!

Юра побежал, но беглецы тоже не медлили. Еще минута, и они скроются.

– Таня! Таня!

Юра закричал изо всех сил, отчаянно, на весь переулок. Беглецы, однако, не обернулись, они и впрямь бежали.

– Таня!

И вдруг она обернулась. Остановилась на мгновение, посмотрела на Юру, приложила палец к губам и… скрылась за углом.

– Стойте!

Не должны беглецы уйти…

Юра добежал до угла, налетел на какого-то типа, и тот схватил Юру за руку.

Юра рванулся, но не так просто вырваться из железных тисков.

– Не спеши, молодой человек.

Так и есть, это один из тех, кто сопровождал Таню!

– Вы ответите…

– Тихо…

Правая рука скована, Юра хотел ударить левой – он занимался боксом, – но противник выкрутил ему слегка правую.

Юра охнул.

– Ничего, молодой человек.

Гнусный тип: лоб в залысинах, голубые леденцы глаз, щеки в красных прожилках, черная борода щекочет Юре лицо.

С ним не справиться, однако незнакомец не бьет, только держит.

Юра кричит, угрожает, незнакомец лишь сопит, точно Юра обращается не к нему.

Потом отпускает Юру. Нигде уже никого. Чернобородый тоже уходит.

– Не торопись, парень, а то недолго и до греха, – бормочет он на ходу.

Петя нервно топчется на посту.

– Ну что?

– Ничего.

– Милиционеры не выходили?

– Нет.

Мальчики дождались, когда из дома вывели нескольких мужчин. Юра по привычке пересчитал: пятеро. Хозяина дома среди них нет.

Задержанных повели к машине.

Юра кинулся к лейтенанту:

– Здесь не все!

Тот снисходительно улыбнулся.

– Главные здесь…

Задержанных увезли, делать больше нечего, и мальчики отправились на станцию.

– Я бы догнал, если бы не этот тип…

– Таня видела тебя?

– Да. Но как-то она странно себя ведет…

Дошли до станции, дождались поезда, вошли в вагон.

Внезапно Петя прильнул к окну:

– Гляди! – На перрон поднималась Зинаида Васильевна. – Почему ее не задержали?

Юра вдруг хлопнул себя по лбу:

– Понял! Таня загипнотизирована. Отчего бы ей не поговорить со мной? Преступники держат ее под гипнозом!

Наружное наблюдение

Анна Григорьевна неодобрительно взглянула на сына:

– Куда это?

– В милицию.

– Надеюсь, ты ничего не совершил?

– Не совершил.

– А зачем в милицию?

– Дела.

– Скажи, пожалуйста, чем это ты в последнее время занимаешься?

– Играю в Шерлока Холмса.

– Неужели вступил в добровольную дружину? Этого еще недоставало! Лучше бы готовился к экзаменам.

В отделении Юру беспрепятственно пропустили к начальнику.

– Вот хорошо. – Майор даже привстал. – Вы оказали нам большую услугу.

Он дружески пожал Юре руку.

– Но… ведь задержали… не всех?

– Были там случайные люди. Но главные – у нас.

– А девушка?

– Девушку я что-то не приметил.

– Я сам видел! Ту самую Таню Сухареву, которую мы ищем. Несколько человек ускользнули, удрали запасным ходом. Я бросился догонять, да какой-то тип преградил мне дорогу…

– Если они имеют отношение к делу, найдем.

– Что же там обнаружено?

– Тайная база спекулянтов.

– Какое же отношение имеет к этому делу Сухарева?

– Этого я не знаю…

Майор щадил своего собеседника.

– Там был притон, в который заманивали девушек!

Майор пожал плечами:

– Не думаю. Собирались и выпивали? Возможно. Но – притон… Такие люди достаточно осторожны. Мы нашли там кое-что поважнее девушек. Целую партию силоновых кофточек, только что увезенных со склада. Опоздай на час, их бы уже переправили в провинцию. Мы прибыли как раз в разгар торга. Столичные хапуги торговались с перекупщиками из провинции. Знаете, какой дефицит силоновые кофточки?

Майор торжествовал по поводу разоблачения расхитителей.

– А мне кажется, там торговали не только кофточками. Таня Сухарева находится у них под гипнозом!

Майор вежливо улыбнулся:

– А мне кажется, в этом просто не было надобности.

– Таня не способна стать спекулянткой!

– Допускаю.

– А что делала Щеточкина?

– Вы прямо как следователь…

– Но поймите, это очень важно! – взмолился Юра. – Думаю, Щеточкина и сбила Таню с толку…

– Щеточкина?.. – Майор задумался. – Ах да! Работница какой-то московской фабрики. Мы ее отпустили. Она случайно попала…

– Зачем?

– Принесла хозяину дома письмо. Тоже по части купли-продажи. Какая-то ее знакомая просит приобрести пишущую машинку. Она и пришла к знакомому коммерсанту.

– А где письмо?

– Приобщили к делу.

– Нельзя посмотреть?

– Не полагается.

– Это очень важно. Я ведь говорил…

– Не волнуйтесь, вы помогли нам, покажем письмо…

Начальник пригласил в кабинет следователя, следствие по делу спекулянтов, задержанных в Садовом переулке, шло уже полным ходом.

Юре показали письмо, принесенное Щеточкиной.

«Дорогая сестрица! Есть вам поручение приобрести пишущую машинку. Тут у нас для одной девушки предвидится работа, так просьба приобрести. Раиса

Захаровна собирается вскоре в Москву, она возместит расходы, заберет машинку и все прочее и расскажет обо всех наших новостях. Пока мы все живы-здоровы, чего и вам желаем. Остаюсь любящая…» И подпись: не то Варвара, не то Вероника, а может быть, и Виринея – не разобрать.

На конверте штемпель почтового вагона, адресовано Зинаиде Васильевне Щеточкиной, обратного адреса нет. Мало!

– Письмо представляет интерес для следствия?

– Как будто нет.

– А вы не можете его отдать?

– Не имеем права.

– А списать можно?

– Пожалуйста.

Юра переписал письмо.

– А теперь я хочу поточнее узнать, почему вы обратили внимание на этот дом? – обратился к Юре следователь. – Придется снять с вас допрос…

Юре скрывать нечего, он рассказал все. Но поиски Тани мало интересовали следователя.

– Это ваше частное дело, – равнодушно заметил он. – Вполне возможно, что Сухарева не имела отношения к преступным операциям…

– А кто же все-таки хозяин этого дома? – поинтересовался Юра.

– Некий Солодовников. Павел Ефремович. Надомник. Изготовляет детали для деревянных автомобильчиков, выпускаемых одной игрушечной артелью.

– Вы что же, отпустите его?

– Ни в коем случае. Заядлый спекулянт.

– А зачем ему Сухарева?

Следователь развел руками.

– Ну… это уж дело неподсудное.

– А как все-таки ее найти?

– Пусть кто-либо из близких родственников подаст заявление. Что-нибудь предпримут…

Решительно никто не хотел понять озабоченность Юры. Ему пожимали руку, благодарили, делали из него чуть ли не героя – как же, помог милиции обнаружить шайку спекулянтов! И Юра, разумеется, не испытывал огорчения от того, что помог поймать спекулянтов, но все-таки его не покидало чувство глубокой неудовлетворенности: с кем Юра ни сталкивался, ему казалось, что-то главное ускользает почему-то от всех.

Пришлось Юре ломать голову. После событий в Бескудникове ему стало очевидно, что Щеточкина имеет прямое отношение к исчезновению девушки. Но куда могла теперь скрыться Таня?

Тот, кто убегает, всегда имеет фору против того, кто догоняет. И во времени, и в расстоянии. Тот, кто прячется, всегда найдет щель, в которую тот, кто ищет, не догадается заглянуть.

– Теперь в Бескудникове делать нечего: домик опустел, спекулянты задержаны…

Задержаны-то задержаны, но не все, кто-то ушел, ушел и увел Таню.

Вероятнее всего, беглецы попытаются скрыться из Москвы.

Всю надежду приходилось возложить на Зинаиду Васильевну. В том, что она связана с преступниками, сомнений нет, через нее только и можно установить новое местонахождение Тани.

Юра посоветовался с Петей.

– А как ты думаешь, – спросил тот, – что означает «прочее»?

Это была идея! Может быть «прочее» и есть Таня? Может быть, надо дождаться неизвестной Раисы Захаровны и та наведет на след?..

Несомненно одно, что со Щеточкиной нельзя спускать глаз. Требовалось установить постоянное наблюдение за ее квартирой, Раиса Захаровна ее не минует…

Наружное наблюдение! Увы, то, что для криминалиста-практика не такое уж сложное дело, для мальчиков оказалось почти неразрешимой задачей. Они просто физически не могли проводить все время у квартиры Щеточкиной – на них легко могли обратить внимание, да и в собственных семьях слишком продолжительное отсутствие вызвало бы переполох.

Решили каждый вечер по очереди наведываться к дому Щеточкиной, а в праздничные дни не лениться и появляться с утра.

Скучное это было занятие! Только прогуливаясь перед домом Зинаиды Васильевны, Юра понял, как нудно и трудно быть сыщиком. Хорошо еще, что дом, взятый под наблюдение, невелик! За два дня Юра узнал почти всех его жителей и изучил распорядок жизни чуть ли не каждого жильца…

И все-таки пришел день, когда настойчивость мальчиков увенчалась успехом. Это было в воскресенье. Часов в девять утра Анна Григорьевна позвала Юру к телефону: «Тебя просит Петя». Юра удивился. Петя дежурил с утра. Юра должен сменить его в полдень. И вот, вместо того чтобы находиться на посту, Петька развлекается разговорами по телефону.

– Ты чего отлучаешься?

– Приехала!

– Кто?

– Та самая особа, которую мы поджидаем.

– Почему ты так думаешь?

– Не могу я по автомату…

Через полчаса Юра был на месте. Петя со скучающим видом стоял под деревом и пялил глаза на окна соседнего дома. Дня два назад кто-то из жильцов, проходя мимо, поинтересовался: «Ты чего тут, парень, высматриваешь?» Петька не растерялся: «Муську». Жилец покачал головой: «Как бы отец с матерью не накостыляли тебе за Муську по шее…» И пошел своей дорогой. Ни о какой Муське Петька, разумеется, понятия не имел.

– Ну?

– Приехала. Та самая. Раиса.

– Почему ты решил, что Раиса?

– А у Зинаиды гости только по предварительной записи…

Дождались появления Зинаиды и ее гостьи. Вид у приезжей мрачноватый, вся в черном, платок надвинут на глаза.

– До четырех ты свободен, – сказал Юра приятелю. – Иду за ними. В четыре на этом же месте.

– А если не вернутся?

– Тогда в восемь.

Юра смело пошел за женщинами. Вряд ли они предполагали, что за ними кто-то следит.

Из тихого переулка на Шаболовке за полчаса добрались до Арбата.

Подошли к писчебумажному магазину. В нем всегда покупатели, а в воскресенье их особенно много. Щеточкина и ее гостья обратились к продавщице, за спиной которой красовались пишущие машинки. Теперь Юра уже не сомневался – перед ним Раиса, о которой говорилось в письме. Поскольку Щеточкина поручение не выполнила, видимо, Раиса сама решила приобрести машинку.

Продавщица поставила несколько моделей и сразу убедилась, что покупательницы в них нисколько не разбираются.

– Племянница у моей знакомой экзамен на машинистку сдает, – нашлась Щеточкина. – Хотим подарок сделать.

Раиса выбрала «Колибри», – должно быть, ее прельстила миниатюрная форма.

Приобретя машинку, женщины тут же отправились обратно, и Юра сдал смену приятелю минута в минуту.

В восемь он собрался на Шаболовку.

– Опять из дому? – остановила Анна Григорьевна сына.

– Как видишь.

– Надеюсь, ты не позволяешь себе ничего лишнего?

– Мама! – воскликнул Юра с упреком. Ее успокоила интонация сына.

– Зинаида уходила. Должно быть, за продуктами, вернулась с полной авоськой, – доложил Петя.

Мальчики заранее условились сосредоточить внимание на Раисе.

– Можешь быть свободен, – сказал Юра. – Смена принята.

– Ты тоже мотай, – посоветовал Петя. – Никуда они сегодня не денутся.

– Погуляю часов до одиннадцати…

Он тоже предполагал, что ни хозяйка, ни гостья никуда больше не пойдут, и лишь для очистки совести решил не нарушать распорядка.

И все-таки он остался не зря, хотя на этот раз его не томило никакое предчувствие.

В начале одиннадцатого во дворе появилась женщина в черном. Раиса! С чемоданом в одной руке и свертком в другой. По очертаниям свертка видно: завернутая машинка. Щеточкина гостью не провожала.

Раиса и Юра доехали до Ярославского вокзала. Раиса стала в очередь в кассу, и, когда она взяла билет до Ярославля, Юра принял молниеносное решение, наклонился к кассирше и тоже попросил:

– Один, общий, до Ярославля.

Взгляд с крыши

У Юры бывали при себе деньги. На всякий случай. Особенно в последнее время. На этот раз их было не так уж много. Рублей около десяти. Билет до Ярославля стоит пять рублей. Так что на обратную дорогу уже не хватало. Но он не мог позволить себе упустить Раису. Он не знал, приведет ли она его к Тане, но только она могла привести его к ней.

Поскольку в очереди за билетами Юра стоял в затылок Раисе, они попали в один вагон.

На всякий случай Юра сел поодаль и… сладко проспал до утра. Увы, он оказался плохим детективом.

Проснулся Юра лишь перед Ярославлем. Посмотрел – на часах шесть. Раиса сидит как штык, ни на кого не глядит, лишь губами шевелит.

Поезд остановился. Раиса подалась к выходу. Прохладно, а Юра в одной рубашке. В жару, конечно, хорошо. Но ранним утром… Раиса в трамвай. И Юра в трамвай. Доехали до центра. Раиса в автобус. И Юра в автобус. Проехали город. Потянулись пригороды. Домишки, палисадники, садики.

Конечная остановка. Раиса из автобуса. И Юра из автобуса. Свернула в какой-то переулок. Тут Юра двинулся осторожнее. Глазеет по сторонам, отстал, будто ему не до Раисы.

Немного прошла, остановилась у ворот, стучит. Юра потихоньку вперед. Будто ему подальше. За воротами лает-заливается пес. Юре уже понятно. Не фотоэлементы же устанавливать для предотвращения неожиданных посещений! Загремела щеколда. Обернулся – Раиса в калитку нырнула… Привет!

Юра обратно. Ворота, калитка, забор. Не ниже двух метров. Не заглянешь во двор. В глубине дом под железной крышей. Какие-то деревца. Березы. Сирень. Над калиткой номерной знак: «Проезжая ул. № 6, Влад. В.Ф.Мучнов». На калитке дощечка: «Во дворе злая собака». И даже не одна! Ручка звонка, и опять же дощечка: «Звоните». Можно, конечно, позвонить, но что толку?

Решил осмотреть крепость с тыла, вышел на зады. Справа от домов огороды к овражку. Нигде никаких ограждений, один лишь номер шесть окружен забором, даже огород обтянут колючей проволокой. К В.Ф.Мучнову не попадешь и без злой собаки!

Не просто проникнуть в тайны дома номер шесть. Если только этот дом скрывает какие-то тайны!

Может быть, Юре только кажется, но рядом – самые обычные дома, зато от шестого номера веет таинственной нелюдимостью. Ни человеческих голосов, ни обычного житейского шума, лишь мрачно поблескивают стекла, задернутые темными занавесками. Что скрывается за ними? Кто выглядывает из этих окон?

Прежде всего надо установить – живет здесь Раиса или только наведалась и проследует куда-либо еще? С дома нельзя спускать глаз, но не может же Юра безотлучно здесь находиться.

Во всяком случае, пока что Юра знает, где находится Раиса.

А дальше?

Эх, была не была, решил он, мир не без добрых людей, только поднабраться смелости.

Он вернулся на Проезжую улицу. Постучал в крайний дом.

На стук выскочила девчушка с пегой косичкой.

– Чего вы? Идите, идите, бабушка заругается. Она не велит с незнакомыми знакомиться.

– Да ты пойми, мне нужно кого-нибудь из здешних комсомольцев. Живет здесь поблизости кто-нибудь из комсомольцев?

– Я сама комсомолка, только бабушка все рано не велит.

– А кто-нибудь посерьезнее из комсомольцев есть поблизости?

– А вы не ругайтесь! Наискосок Сашка Зипунов, он на заводе комсорг…

Зипунова дома не оказалось. Придет только в три, после смены.

До трех Юра успел в город, отправил Пете телеграмму: «Уехал Раисой Ярославль тчк Выезжай тчк Предупреди маму отсутствии тчк Возьми стола деньги тчк».

– Ты Зипунов?

– Я Зипунов.

– Дело к тебе.

– Заходи.

Простой мастеровой парень. Открытое лицо, чуб на лбу, вздернутый нос, небольшие насмешливые глаза. Синяя блуза с «молнией», обвисшие на коленях брюки, остроносые нечищеные ботинки.

Он ввел Юру в тесную комнатенку. Койка аккуратно застелена байковым одеялом, этажерка с книгами, стол, стул.

– Располагайся.

Юра расположился на стуле. Зипунов – на кровати.

– Слушаю.

– Я, видишь ли, из Москвы.

– А хоть бы с Марса.

– В общем, я по порядку.

– Беспорядка никто не любит. Давай.

– Что давай?

– По порядку.

Зипунов точно подсмеивался.

Юра откровенно поведал Зипунову о своих заботах. О том, как пропала Таня. Как он и Петя искали ее. Как Раиса привела его на Проезжую…

– Понимаешь, исчезла. А потом оказалась в самом что ни на есть гнезде спекулянтов. Однако оттуда ее увели под самым носом у милиции…

– Как так?

– Сам догонял. Даже догнал. Только угодил в руки одному типу…

– А ты бы ему…

– Танк! Не вырвешься. А ее тем временем увели!

– А почему ты думаешь, что девушка у Мучнова? Я с ним незнаком, конечно, но если бы что, какой-никакой слушок, а пополз бы.

– А Раиса?

– Какая Раиса?

– Я же рассказываю. Которая к Щеточкиной приезжала. Одного поля ягоды.

– А какая им корысть в твоей Тане? Спекулянтки ведь из нее не получится?

– Мне думается, дело здесь посерьезнее, чем спекуляция. Это лишь одна сторона. Уголовная банда. Ничем не брезгуют и вовлекают молодежь. Любыми способами…

– Не ошибаешься?

– Головой ручаюсь! К исчезновению Тани старуха прямое отношение имеет, а она – у Мучнова.

– Тогда пошли.

– Куда?

– К Мучнову. Узнаем, кто у него находится.

– Сперва надо убедиться, что там Таня.

– А как это сделать?

– Понаблюдать.

– Сторожить, что ли, будешь?

– Сторожить не сторожить…

Зипунов готов помочь Юре, но они так и не решили, как выяснить, находится ли Таня у Мучнова.

– Слушай, а кто у Мучнова соседи?

– Зачем тебе?

– Я бы с крыши…

– Поближе Юстицкий, пенсионер, – у него зимой снега не выпросишь, а дом покрыт драгоценным шифером. Понимаешь? А по другую сторону Лукинична. Бабка добрая, только дом далековато стоит…

– А если все-таки обратиться к ней?

– Попробуем…

У Лукиничны ни в чем никому отказа. Работает уборщицей в железнодорожном депо, давно перешагнула пенсионный возраст, но не торопится на покой, маленькая, аккуратная, все хлопочет – и на работе и дома.

– Привет и уважение, Лукинична, – поздоровался Зипунов. – У нас громадная просьба.

Лукинична пытливо рассматривает посетителей.

– Пусти этого парня, – Зипунов указал на Юру, – подежурить на крыше?

– Как на крыше? Он что, кочет?

– Не кочет, а молодой астроном. Интересуется звездами. Прибыл на практику. Обозревает все видимое и невидимое.

– О-ох… – Лукинична хмыкнула. – Дурочку нашли. Я хоть и стара, но не без понятия. Ты прямо скажи, что он из дружины. Или, как там у вас, из патруля? Интересуется, мол, кто шастает по огородам. Так?

Зипунов подтвердил:

– Так.

– То-то, а говоришь – звезды! Ваши звезды по земле бегают да в канавах прячутся… – Она поглядывала то на Юру, то на Зипунова. – Что ж, пущу, только чтоб не курить! Дом хоть и страхован, а пожару я страсть боюсь.

В общем, с Лукиничной дело сладилось. Юра очутился на крыше. Однако, как ни прилаживался, с крыши видна только часть мучновского двора.

На дворе кто-то появлялся, но Юра не мог рассмотреть лиц, несомненно лишь, что в доме находятся не только хозяева, но и какие-то посторонние люди.

К ночи Юра спустился.

– Ну как? – поинтересовалась Лукинична. – Много высмотрел звезд?

– Не те, что нужны!

– Смотри, смотри… – Лукинична чувствовала себя участницей патруля. – Сашка наказывал к нему идти, как слезешь…

Переночевал Юра у Зипунова…

Новый день не принес неожиданностей. Мучнов ушел на работу, пришел с работы, уходила и вернулась его жена – ходила с авоськой, должно быть, по лавкам или на рынок. Больше не показывался никто, хотя Юра не сомневался, что в доме находятся посторонние.

На третий день Юра с утра побежал к остановке автобуса, там назначил он встречу Пете.

Они кинулись друг к другу.

– Нашел?

Юра отрицательно покачал головой.

– Значит, домой?

– Нет…

С приездом Пети установили два наблюдательных пункта: один на улице, против дома Мучнова, другой на крыше у Лукиничны.

Но спустя час Петя пришел объясняться. Задрав голову, он звал Юру с крыши.

– Спустись, дорогой!

Юра недовольно свесился.

– Раньше ты был аккуратнее.

– А ты пойди постой, шум на всю улицу.

Юра прислушался. Он не предусмотрел защитного звукового устройства – пес во дворе противника надрывался.

– Невозможно стоять!

– Что же делать?

– Гони пятерку.

– На что?

– Подкупить сторожа.

Вскоре Петя опять позвал Юру.

– Пирожков хочешь?

Он держал целый кулек пирожков.

– Однако аппетит у тебя!..

К удивлению Юры, лай затих, возник было снова и смолк окончательно.

Враг утратил бдительность: Петя пустил в ход пирожки.

Под вечер на чердаке появился Зипунов.

– На, Юрка, бери на вооружение… – Он протянул полевой бинокль. – Цейсовский. Одолжил у одного отставника.

В бинокль мучновский двор виден как на ладони, Юра ясно различал и самого Мучнова, и какого-то чернобородого дядьку, и девицу… Увы, то была не Таня!

– Откуда ты взял, что Таня здесь?

Петя уговаривал Юру махнуть на Мучнова рукой. Но Юра упрямо лез на крышу к Лукиничне и… на четвертый день увидел наконец Таню.

Это была Таня! В синей косынке, в темном платьице… Самая доподлинная Таня!

Она медленно бродила по двору вместе с девушкой, которую Юра видел накануне.

Он скатился с крыши, пронесся через улицу и забарабанил в калитку.

Сейчас он ее заберет и сразу в Москву!

Калитка закрыта наглухо. За воротами истошно заливается пес. Ухватиться, чтобы приподняться и заглянуть через забор, не за что. Цитадель!

– Кто там?

Голос откуда-то издалека.

Юра опять застучал.

Кто-то подошел, спросил уже из-за самой калитки:

– Чего вам?

– Таня Сухарева здесь живет?

– Кто?.. Нету здесь никакой Тани.

– А я говорю, впустите. Я точно знаю, что она здесь!

– Идите-ка, гражданин, своею дорогой…

– А я говорю, впустите!

– Может, вы грабитель или еще кто…

– А я вот сбегаю, приведу милицию, тогда убедитесь, какой я грабитель!

– Я уже сказал: уходите.

– Впустите или нет?

– Нету здесь никого.

– Я на самом деле в милицию…

Уговаривать бесполезно, Юра отошел. К нему подбежал Петя.

– Ты что?
– Там Таня!
– Откуда?
– Сам видел.
– А что они?
– Не пускают.
– А ты уверен, что Таня?
– Галлюцинациями я еще не страдаю!
– Беги, милицию-то они пустят!
– А ты никуда. Может, опять вздумают увести. Ни на шаг…

Юра уже не слышал ответа, он бежал по Проезжей, спрашивая прохожих, где находится отделение милиции.

Вид у него был отчаянный, встречные с любопытством смотрели ему вслед. Что случилось: драка, кража, убийство?

Обыск

Обычная вывеска. Такая же, как в Москве. Хотя сумерки только еще наплывают, над входом горит лампочка. На мостовой мотоцикл с коляской. Двое милиционеров в дверях щелкают семечки.

– Где начальник?

– А ты полегче, – остановил Юру один из милиционеров. – Здесь тебе не танцплощадка.

Но Юра уже в коридоре. За дощатой перегородкой еще один милиционер.

– Товарищ дежурный, где начальник?

– А вам на что?

– Тут целая шайка. Спекулянты. Заманили девушку…

Опытный милиционер по отрывистым непонятным словам посетителя сразу угадал, что речь идет о чем-то действительно необычном и важном, потому что тотчас оборвал излияния Юры.

– Не тратьте времени. – Он указал на дверь в конце коридора. – Идите к начальнику.

Юра рванул обитую клеенкой дверь. Какой-то капитан говорил по телефону.

– Вам кого?

– Товарищ начальник!

– А почему не стучите?

– Некогда!

– Ну, если некогда, слушаю.

– В Москве задержали шайку спекулянтов. Но они увезли Таню Сухареву. Я ее нашел. Но меня не пускают. Говорят, ее нет…

– Погодите… – Капитан даже прикрикнул слегка на Юру: когда человек в таком волнении, его иногда необходимо одернуть. – Садитесь и рассказывайте по порядку.

Юра обиделся и взял себя в руки.

– Видите ли, товарищ капитан, в средней школе номер восемьдесят три пропала в апреле девушка…

Он снова изложил всю историю.

– А почему вы думаете, что она у этого… Как его?

– Мучнов, дом номер шесть.

– У гражданина Мучнова?

– Я сам видел!

Капитану нравилась запальчивость Юры.

– Хорошо, завтра утром выясню. Созвонюсь с прокурором, поинтересуюсь Мучновым.

– Поздно! – крикнул Юра. – Будет поздно! К утру заметут все следы!

– Но ведь ваши слова – это еще… – Капитан испытующе поглядел на Юру.

– Вы-то, собственно, кем ей доводитесь?

– Товарищем… – Юра вдруг вспылил: – Я прошу вас от имени всей нашей комсомольской организации!

– Ладно, не горячитесь, – примирительно сказал капитан и позвонил.

В кабинете тотчас появился бравый милиционер.

– Иванов у себя?

– Еще у себя.

– Попросите ко мне… – Он повернулся к Юре: – Я должен посоветоваться со следователем. А вас попрошу подождать в коридоре.

Юра умоляюще смотрел на капитана:

– Я вас очень прошу. Вы не знаете, на что они способны.

– Знаю. – Капитан улыбнулся: – Способны на все… Если только вы не ошиблись.

Юра ждал. В коридоре сразу началось движение. Кто-то в штатском прошел к начальнику. Снова появился бравый милиционер. В кабинет прошел еще какой-то лейтенант. Потом позвали Юру.

– Решили ехать, – сказал капитан. – Сейчас подадут машину.

– Следователь Решетов, – представился человек в штатском. – Вы-то как забрели в Ярославль?

– Да вот, ищем Сухареву, – сконфуженно пробормотал Юра. – Разве это плохо?

– Кто говорит, что плохо? – Следователь усмехнулся. – Только редко приходится наблюдать такую самодеятельность.

На улице их ждал милицейский фургончик; ехали и начальник, и следователь, и лейтенант.

– Заходите, – пригласил Юру капитан. – На Проезжую!

Фургончик еще не остановился, а собачий лай уже зазвенел.

Напротив по тротуару нервно прохаживался Петя.

– Ушли, – сдавленно сказал он, подбегая к Юре.

– Кто?

– Высокий старик и еще какой-то чернобородый.

– А Таня?

– Больше никто, я ни на шаг.

– Вот видите, разбегаются, – с упреком сказал Юра начальнику. – А вы – до утра!

– Далеко не уйдут, – произнес лейтенант, подошел к калитке, поискал звонок. – Звоночек-то не звонит, для отвода глаз, что ли?

– А ты стучи!

Пес за воротами надрывался.

– Кто там?

– Милиция.

Щеколда брякнула, калитка чуть приоткрылась.

– Разрешите?

Мучнов распахнул калитку.

– Гражданин Мучнов?

– Я.

– Кто еще проживает с вами?

– Жена и дочка.

– А еще, извиняюсь, кто?

– Больше никого.

Удивительно он спокоен, этот Мучнов, неприветлив, мрачен, но спокоен и вежлив, как если бы его действительно побеспокоили зря.

– У нас есть сведения, что какие-то люди живут у вас без прописки.

– Никого у меня нет.

– Разрешите взглянуть.

– Пожалуйста.

Пес надрывался, но хозяин не спешил его успокоить. Следователь и капитан вошли в дом. Мучнов следом. Лейтенант и Юра остались во дворе. Пес рвался с цепи.

– Начальник вам поверил, – нравоучительным тоном рассуждал лейтенант. – Очень неприятно, если все это напрасно. А я так думаю, что напрасно, поскольку домовладелец не обнаруживает никаких признаков беспокойства…

Юра виновато смотрел на землю, на крыльцо.

Вдруг он вспомнил, что все эти незнакомцы, за которыми он наблюдал с крыши, как-то странно исчезали у крыльца, – не поднимались в дом, а точно проваливались под землю.

– Они в погребе, – уверенно сказал Юра.

– Кто?

– Те, кого ищем.

– Почему так думаете?

– Следил.

– Каким образом?

– Оттуда…

Юра неопределенно махнул рукой, но лейтенант догадался.

– Аэрофотосъемка?

– Вроде.

Капитан и следователь вышли во двор.

– Я же говорю, никого, – обиженно повторил Мучнов. – Пожалуйста…

Он с готовностью отпер сарай.

Лейтенант поманил следователя, шепнул что-то на ухо, равнодушно отошел.

– А где у вас подполье? – спросил следователь.

– А у нас в доме нет подполья, – печально ответил Мучнов. – Не предусмотрели.

– Пойдемте…

Следователь опять вернулся в дом.

– Они в погребе, – повторил Юра начальнику.

– Да погреба-то нет…

Следователь опять появился во дворе.

– Нет хода из дома, – ответил он на вопросительный взгляд капитана.

– Тогда извините, – сказал капитан Мучнову.

– Погодите, – сказал следователь и опять взошел на крыльцо.

Он стоял, постукивая ногой по ступеньке.

– Так, так, – задумчиво сказал следователь, глядя куда-то в небо и все постукивая ногой. – А печку вы чем топите, дровами?

– Дровами, – сказал Мучнов. – Чем же еще?

– А кто рубит дрова? – спросил следователь.

– Кто же, кроме меня? – ответил Мучнов.

– Покажите-ка топорик, которым рубите, – попросил следователь.

– Пожалуйста, – ответил хозяин и вынес из сарая топор.

– А ну, отойдите, – попросил следователь и подцепил топором ступеньку.

– Зачем ломаете? – закричал Мучнов. – Вы ответите!

– Разумеется, – согласился следователь, сунул лезвие в щель, рванул на себя доску и указал капитану на отверстие. – Вот вам и подполье, прошу.

Капитан вопросительно взглянул на Мучнова:

– Ломать или откроете?

Мучнов побледнел, спокойствие с него сдуло как ветром, сразу стал угодлив и мил.

– Зачем же ломать? – заворковал он. – Сию минуту…

Вбежал на крыльцо, повозился в сенях – ступеньки как бы опрокинулись навзничь, открылась идущая вниз лестница.

Капитан с упреком покачал головой:

– А говорите, не предусмотрели подполья.

Осторожно сошли вниз. Мучнов услужливо повернул выключатель.

Внизу оказалась самая настоящая комната. Без особых удобств, но вполне годная для жилья. Две койки, стол, табуретки, стены обшиты тесом, даже иконы в углу… На столе рас-

крытая машинка с вложенным листком. Следователь наклонился, потянул листок, пробежал глазами, покачал головой, аккуратно сложил, спрятал во внутренний карман.

– А где же… – капитан обвел помещение глазами, – …здешние обитатели?

– Я же сказал: никого нет.

– А это что?

– Комната.

– Для кого?

– Для себя.

– Что же вы здесь делаете?

– Учусь печатать на машинке.

– Вы кто по специальности?

– Столяр.

– Зачем же машинка?

– На всякий случай.

– Сейчас в моде овладевать второй профессией, – не без иронии заметил следователь.

– Вот-вот, – подхватил Мучнов.

– А почему же учитесь под землей?

– Не отвлекает ничто.

Следователь похлопал рукой себя по карману:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.